

ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ АВТОБИОГРАФИИ ЛИЧНОСТИ (Из новой книги воспоминаний)

В.И. ТОЛСТЫХ

Давно хотел это сказать и оспорить: неправда, что незаменимых людей нет, и что все мы якобы вполне заменимы, и если для кого-то ты оказываешься незаменимым, то лишь для этого конкретного человека, и только на какое-то время. Зато в масштабе реального взаимодействия людей, с учетом непредсказуемости событий, участниками и свидетелями которых мы становимся, каждый из нас незаменим и неповторим. В романтическом духе эту мысль когда-то прекрасно выразил Генрих Гейне: «Каждый человек есть Вселенная, которая с ним рождается и с ним умирает. Под каждым надгробным камнем лежит целая всемирная История». Такой вселенной духа стал для меня Ильенков, и, знаю точно, для многих других тоже, кто однажды соприкоснулся с мыслями и чувствами автора удивительного творения – книгой «Об идолах и идеалах», потом и статьей «Идеальное».

Эвальд Ильенков

Ильенков мне нравился таким, каким он был, с его «слабостями», скажем, безразличием к бытовым удобствам, тем более, «излишествами». Нравилась мне и его непоказная скромность в дружеском общении, и в то же время четкая, по-мужски жесткая, позиция в определении своих философских и гражданских позиций. Он никогда не льстил друзьям, тем более – власти, зная и сознавая ее противоречивую, во многом «показную», сущность. Во всех своих сочинениях придерживался принципов взыскательного диалога, обращаясь к сознанию и совести участников диалога, имея в виду так называемых «простых сограждан». Очень спокойно относился к славе, хотя, думаю, вполне сознавал, что философы, достойные таковыми считаться, работают в основном на будущее, и, значит, должны сознавать свою ответственность за идеи и мысли, которые они сегодня исповедуют и проповедуют. Что касается бессмертности их умственных усилий, то их при желании можно и заметить и определить.

Сам Ильенков не нуждался в славословии. Ведь драма действительно мыслящего человека заключается не в том, что его мало замечают и почитают, а в том, что рожденная и выношенная им мысль или идея никого не трогает, не увлекла и пропадает втуне. Именно на эту сторону взаимоотношений «здорового тела» и «здорового духа» обратит внимание Михаил Лифшиц, заметив и отметив, что «в болезненном теле Ильенкова жил дух всеобщий, объединяющий, способный привлекать людей, связывать поколения». Вот что побудило его однажды сочинить – написать сагу об Идеальном, избрав мерилom прогресса замену не плохого хорошим, а хорошего лучшим (по знаменитой формуле Коллингвуда).

Именно Эвальд Васильевич нащупал и обнажил главную причину несостоятельности современной цивилизации. Человек стал жертвой

созданного им самим же «наизнанку вывернутого мира, где ему приходится быть смиренным рабом своих собственных созданий — тенью своей собственной тени». Между тем, по Ильенкову, нет в универсуме более интересного и ценного существа и предмета общественного внимания, чем человек со всеми его «несовершенствами». Появилось, скопилось немало любителей жертвовать им ради всякого рода завиральных идей, вроде того же «прогресса», а на самом деле, если человеку и стоит жертвовать собой, то разве что ради другого человека. Как и Лившиц, он исповедовал главную марксистскую идею — свободное развитие каждого как условие свободного развития всех. С удовольствием процитирую любимое мною высказывание Эвальда Васильевича из его статьи «Почему мне это не нравится»:

«Если человек — и именно в образе живого реального человека — со всеми его нынешними “несовершенствами” — не стоит на первом месте в шкале нравственных ценностей, и если на это, только ему принадлежащее, место стараются водрузить что-нибудь другое, абсолютно безразлично что — безличную абстракцию под тем или другим красивым названием, — то ни о какой культуре чувств лучше вообще не начинать разговора. Нет никакой культуры чувств без этого условия. Все остальное тогда не имеет ровно никакого значения. Ни хорошие манеры, ни тонкое понимание музыки, ни изысканность тех или иных эмоций. Все разговоры о них будут в таком случае пустым говорением».

Этой идее и принципу взаимоотношений с реальной действительностью Ильенков остался верным до конца своей жизни.

Александр Зиновьев

Александра Зиновьева я знал и дружил с ним свыше сорока лет, и потому был вправе сказать о нем в некрологе в связи с кончиной निжеледующее.

Ушел последний из могикан общественной и философской мысли старой «Большой России», объяввший и постигший ее как никто другой. Ушел мудрый и сверхталантливый человек, каких Россия при жизни, увы, не чувствует, не слышит и по достоинству не ценит. Ушел настоящий русский человек в высоком пушкинском измерении индивидуальных и гражданских доблестей. Он был действительно уникален во всем, за что брался и к чему прикасался, — в логике, социологии, искусстве, общении. Лично я не встретил в жизни другого такого настоящего свободного человека. Не считая себя жертвой режима, он всерьез полагал, что режиму от него досталось больше. Когда почти все были марксистами, он прямо заявлял, что он не марксист. Он — автор самой точной формулы случившегося со страной в последние 20 лет: *целили в коммунизм, попали в Россию*. Раньше и прозорливее других понял, что на смену критикуемому им «реальному коммунизму» пришло нечто такое, что во многом и намного хуже. Он не устраивал власть — и прежнюю, советскую, и нынешнюю, не понятно какую. Потому что не обладал гибким позвоночником, так и не научившись пошлейшему искусству приспособленчества. Всерьез, а не ради красного словца он

утверждал, что всю жизнь занимал положение, которое не променял бы на пост премьер-министра и даже президента, — был старшим научным сотрудником...

Я назвал некролог *«Он был верен себе»*. Чем, кстати, к себе одних притягивал, а других — отталкивал. По моим многолетним наблюдениям, не врать самому себе — качество редкое, посильное далеко не каждому. Саша не врал, сказав в последнем перед смертью интервью, что, пожив за рубежом, он «стал лучше понимать советское общество». Четко, без оговорок, заявлял, что он — русский коммунист и русский человек. Критиковал советский режим и был антисталинистом, но никогда не был антисоветчиком, определив крах коммунизма в России *равносильным исторической гибели русского народа*. Гордился тем, что создал так называемую «зиновьюгу», своеобразный кодекс чести, сознательно отказался делать карьеру, не идеализировал любую власть, никогда не вступая с нею в сговор, и прожил жизнь «ни на кого не держа зла». Согласитесь, кодекс завидный, и верность ему, судьба его — тоже завидные?!

Помню, как мы с Даниилом Граниным, посетив Зиновьевых в их загородном доме, возвращаясь в Мюнхен, восхищались трезвостью Сашиных суждений о западной жизни и советской реальности времен перестройки, убеждая его самого вернуться на родину, где он востребован и крайне был нужен (в чем он, кстати, сомневался, хотя признавался, что жить вне и без России ему нелегко). Человек он был гордый, наверное, потому и называл себя от рождения отщепенцем, объявив с гордостью на весь мир — «Я сам себе государство!»

«Вы что, боитесь Зиновьева?» — Помню, как возникло у меня желание написать эту статью. Приближалось 70-летие философа, он оставался за границей и оставался глухим к моим настойчивым призывам вернуться на родину. Хотел этого, но себя сдерживал, как выяснится скоро, по вполне здравым причинам. Уже издали «Зияющие высоты», что стали причиной, или поводом, его изгнания, затем ряд других сочинений («Гомо советикус», «Иди на Голгофу», «Живи», «Катастрожка»), состоялись интервью в газетах, телепередача. Но он так и оставался (после 15-летнего отсутствия в стране!) малоизвестным автором, по сравнению с миром, где его непрерывно переводили и издавали, награждая престижными премиями. И это несмотря на весьма критичное отношение его к западной реальности и ценностям. Мою статью с явно вызывающим заголовком опубликовала «Независимая газета» 29 октября 1992 года, в день рождения философа.

Статью с вопросом «Вы что, боитесь Зиновьева?» я написал вовремя, и это вскоре подтвердит, например, Салам Гусейнов, настаивая на том, что своей «социомеханикой» Зиновьев лишил русского человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда соответствующее отношение к нему. Сторонников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его просто замалчивают. Но время покажет, кто окажется прав — Зиновьев или нынешние молчуны, которым в ответ социологу просто нечего сказать.